

Глава 1. Дождливая ночь

Было уже за полночь, когда Ци Вэйлен закончил писать диссертацию. Остальные трое соседей по комнате давно погрузились в мир снов, и во всём помещении не было слышно ни звука, кроме тихого стука клавиатуры.

Династия Донотона началась с Норльсена Донотона, этого правителя с тяжёлой судьбой... — Уставившись в экран компьютера, Ци Вэйлен снял очки, пот переносицу и зевнул.

За окном неизвестно когда начал накрапывать мелкий дождь. Услышав этот шелестящий звук, Ци Вэйлен поднялся со стула, подошёл к окну и на цыпочках приотворил его.

Наверное, каждый хоть раз представлял себе, что бы он сделал, если бы смог вернуться в прошлое и изменить историю. Во время написания диссертации Ци Вэйлен не раз задавался вопросом: каких выдающихся успехов добился бы тот самый правитель из его труда, если бы его не убил собственный младший брат? Но в мире не существует сослагательного наклонения. Норльсен был обречён: когда он, прорубая тернистый путь, поднялся на вершину королевской власти, его брат коварным и ядовитым способом лишил его жизни.

Ци Вэйлен размышлял об этом, как вдруг почувствовал, что в голове слегка помутилось. Опершись рукой о край подоконника и собираясь повернуться, чтобы лечь на кровать, он в этот самый момент ощутил, будто его тело чем-то силой притянуло к себе. Ци Вэйлен судорожно втянул воздух и с ужасом понял, что эта тяга становится всё сильнее и сильнее, пока наконец не вытянула его целиком в окно!

Вся эта сцена заняла меньше десяти секунд. Ци Вэйлен таинственным образом исчез из комнаты — лишь распахнутое настежь окно словно бы подтверждало, что он здесь когда-то находился.

— Ваше Высочество... Опасно...

— Нет, ты...

— Убить... Немедленно...

Гулкий шум человеческих голосов заставил Ци Вэйлена с мучительной болью разомкнуть глаза. В тот самый момент, когда он проснулся, он почувствовал, что у него болит абсолютно всё тело, и даже просто говорить казалось невероятно трудно.

— Ваше Высочество, вы очнулись! — раздался женский голос.

Ци Вэйлен моргнул, пытаясь прийти в себя. Когда зрение немного прояснилось, он едва не лишился чувств во второй раз.

Средневековый архитектурный стиль бросался в глаза: тамошняя знать превозносила всевозможные проявления предельной роскоши, и будь то барокко или рококо — каждое из этих направлений оставляло неизгладимое впечатление.

Ци Вэйлен не был студентом архитектурного факультета и с трудом разбирался во всех тонкостях западных архитектурных стилей, однако это никоим образом не мешало ему понять, в каком именно месте он оказался.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество... — Настойчиво звала его золотоволосая девушка, облаченная в самый настоящий наряд дворцовой служанки. Подобный костюм Ци Вэйлен прежде видел только на страницах учебников по истории.

Если до этого Ци Вэйлен еще кое-как сомневался, не решил ли кто-то над ним подшутить, то странное произношение девушки начисто развеяло эти мысли: чрезвычайно причудливый акцент Орлиного королевства был ему совершенно незнаком. Но страшнее всего было то... что он мог без малейшего труда понимать каждое её слово.

— Ты... — Ци Вэйлен произнес всего один слог и тут же замолк, обнаружив, что его собственный голос звучал до боли чужой.

— Ваше Высочество... — Заметив выражение лица Ци Вэйлена, девушка запереживала еще сильнее. Увидев, что он пытается приподняться, она торопливо шагнула вперед и помогла ему сесть. — Ваше Высочество, как вы себя чувствуете?

— ... — Ци Вэйлен перетерпел боль в груди, глубоко вздохнул и обратился к девушке: — Принеси... принеси зеркало.

— Но, Ваше Высочество... — Девушка опешила, явно не уловив смысла его слов. Однако, встретившись с упрямым взглядом Ци Вэйлена, она была вынуждена позволить ему опереться о изголовье кровати, а сама поспешила отыскать в комнате зеркало.

В гладкой зеркальной поверхности отразилось абсолютно чужое лицо: на европейском лице выделялись васильково-синие глаза, черты можно было назвать утонченными, а каскад мягких золотистых волос аккуратно лежал на плечах. Весь его облик казался хрупким и слабым.

— ... — В тот момент, когда Ци Вэйлен увидел собственное отражение, ему показалось, что горло перехватило чем-то тяжёлым. Он в отчаянии вцепился в воротник на груди, сделал несколько судорожных вдохов и, не вынеся удара судьбы, прямо на месте потерял сознание!

В ушах по-прежнему звучали крики незнакомой девушки: — Ваше Высочество... Ваше

Высочество...

Я не твоё Высочество. — Это была последняя мысль Ци Вэйлена перед тем, как он провалился в темноту.

Мрак... Бескрайний, безграничный мрак...

Ци Вэйлен сжался в комок в самом углу и вдруг увидел, как посреди этой ледящей душу темноты возникла световая стена. словно экран проектора, она непрерывно транслировала самые разные изображения.

Привлеченный этим зрелищем, Ци Вэйлен заворуженно уставился на череду хаотичных, на первый взгляд, картинок, но очень быстро понял... что все эти кадры, если соединить их вместе, образуют историю взросления одного человека. И этим человеком был не кто иной, как прежний владелец тела, в котором он очутился.

Ци Вэйлен так и смотрел: рождение юноши, его детство, взросление, смерть... Наконец, прямо перед ним возник прозрачный силуэт.

— Привет, меня зовут Норльсен Донотон. — У юноши был очень приятный голос — мягкий, с чистыми звенящими нотками.

— ...Ты... — Ци Вэйлен едва верил собственным ушам. — Как тебя зовут?

— Норльсен Донотон. — Норльсен улыбнулся. — Тот самый, о котором ты думаешь.

— ... — Ци Вэйлен молчал добрую минуту, прежде чем смог прийти в себя. — Чего ты хочешь?

— Разве ты не гадал постоянно о том, какое будущее ждало бы Короля Морских Сирен, если бы тот не погиб от руки собственного младшего брата? — Лицо Норльсена оставалось безмятежным. — Теперь я даю тебе этот шанс.

— ...Нет, нет... я вовсе не это имел в виду... Ты... — Ци Вэйлен поспешно попытался оправдаться, но Норльсен без малейших колебаний взмахнул рукой, пресекая любые объяснения: — Я уже всё решил.

В тот самый момент, когда затихли его слова, темнота перед глазами Ци Вэйлена рассыпалась на куски, словно разбитая мозаика. Он резко распахнул глаза и снова увидел тот самый знакомый потолок и полную тревоги физиономию рядом с собой.

— Виан, — позвал Ци Вэйлен служанку по имени, — принеси-ка мне воды.

— Хорошо, Ваше Высочество! — Поняв, что её господин наконец пришёл в норму, Виан едва не расплакалась от радости. Утирая слёзы краем фартука, она мелкими шажками выбежала из комнаты.

— ...Эх. — В комнате остался только Ци Вэйлен. Оглядев собственные тонкие руки, он тяжело вздохнул: — Не стоит болтать лишнего... язык до добра не доведёт.

В отличие от учебников по истории, детские воспоминания этого знаменитого императора не были столь трагичными. Его мать, Селина, была первой женой короля Орлиного королевства, то есть нынешней королевой.

Будучи единственным сыном, Норльсен пользовался всеобщим уважением, а его статус в королевской семье неуклонно рос, сниская особую любовь отца.

Но, увы... если бы всё шло своим чередом согласно исторической хронике, подобное положение дел вскоре должно было измениться.

Ци Вэйлен горько усмехнулся, мысленно перебирая вехи истории, прочно засевшие у него в памяти, и был вынужден признать, что с удачей ему явно не повезло. Судя по внешности Норльсена, ему было по меньшей мере тринадцать-четырнадцать лет, а это означало, что горячо любимую им мать очень скоро ждет опала со стороны короля и насильственная смерть в хитросплетениях последующих дворцовых интриг.

Генри Донотон был биологическим отцом Норльсена, вошедшим в историю как знаменитый Генри I. В первые годы своего правления он вполне заслужил репутацию мудрого государя. Однако, как гласит народная мудрость: кого боги хотят погубить, того они сначала лишают рассудка.

Когда Норльсен был подростком, его собственный отец оставил мрачное пятно на своей репутации правителя. Всего за четыре года Генри поочерёдно сослал трёх королей, лишил Норльсена статуса наследника престола и даже принудил церковь отречься от законного статуса матери Норльсена как королевы.

После этого Генри ввёл во дворец своего бастарда и даровал ему титул принца — однако это вовсе не означало, что Генри так уж сильно дорожил этим внебрачным сыном по имени Цезарь Донотон.

В западном средневековье верховная власть монархов стояла превыше всего, и короли могли позволить себе поистине безумные прихоти — они брали в жёны собственных дочерей и предавались любовным утехам с родными матерями. По мнению Ци Вэйлена, возвращение Генрихом Цезаря Донотона в королевский дворец делалось вовсе не из отцовской заботы о бастарде, а скорее для того, чтобы позлить вторую королеву.

Цена за подобные капризы оказалась высока: вторая королева очень скоро разделила судьбу

матери Норльсена, а следом за ней под удар попал и сам Норльсен. Участь принца, лишённого статуса наследника престола и едва не скатившегося до положения бастарда, в стенах королевского двора не оставляла простора для иллюзий.

На этом моменте размышлений Ци Вэйлен снова невольно горько усмехнулся. К чему знание истории человеку из двадцать первого века, если у него нет тонкого политического чутья и жесткой, кровожадной хватки для контроля над ситуацией? Как в это бесправное средневековое время вернуть былую славу Норльсена и взобраться на вершину королевского двора?

— Хорошо ещё, что я не писал диссертацию про кого-нибудь другого. — Ци Вэйлен вдруг о чём-то вспомнил и невольно содрогся. — Если бы меня угораздило по глупости заняться исследованием Сыма Цяня, разве стал бы я тогда рыдать без слез? Мысль об этом слегка уняла царившие в душе растерянность и горечь.

— Ваше Высочество... — Вернулась девушка с водой, держа в руке серебряный кубок. — Вода, которую вы просили.

— Мгм. — Ци Вэйлен всё ещё чувствовал жгучую боль в груди. Вспомнив увиденные ранее воспоминания Норльсена, он быстро сообразил, откуда взялась эта травма: во время совместной соколиной охоты с отцом Норльсена сбросило с коня, и то, что он вообще остался жив, можно было считать чудом.

Впрочем, вряд ли это происшествие было простой случайностью, подумал Ци Вэйлен: если его предположения верны... позиции матери Норльсена уже висели на волоске.

<http://bllate.org/book/24634/2896551>